

Манойло А.В.

«УБИТЬ КОТЕНКА», ИЛИ КАК ДЕЙСТВУЮТ ТЕХНОЛОГИИ КОНФЛИКТНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию современных технологий конфликтной мобилизации молодежи в социальных сетях. Социальные сети сегодня являются особой средой, в которой активно работают политтехнологи цветных революций, занимающиеся формированием и консолидацией протестного электората, используя для этого возможности виртуальных социальных сообществ и инструменты конструирования и изменения виртуальной реальности. Для этого специалисты по цветным революциям используют технологии конфликтной мобилизации молодежи, внедряющие им установку на борьбу с действующей властью и перенаправляющие их естественную для молодого возраста гиперактивность на участие в массовой протестной деятельности. Методологической основой исследования является системный, структурно-функциональный, сравнительно-политический подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, наблюдения. В настоящей статье описана и проанализирована типичная схема применения одной из таких технологий, позволяющая незаметно для сознания ее участников заместить нейтральную неполитическую повестку социальной группы на агрессивную протестную, направленную против действующей власти. Показано, что основным объектом устремлений политтехнологов цветных революций являются не группы оппозиционно настроенных людей, а изначально политически нейтральный электорат, не определившийся со своими взглядами. Автор указывает на высокую опасность таких технологий и на необходимость системного противодействия вербовочной деятельности активистов цветных революций в социальных сетях.
Ключевые слова: политика, общество, США, государство, гибридные войны, цветные революции, демократия, международные конфликты, ценности, безопасность.

Review. This article is focused on the study of modern conflict technologies aimed at mobilizing young people in social networks. Today, social networks are a represent a peculiar environment in which «color revolution» political technologists actively form and consolidate protest electorate, using the potential of virtual communities and the tools for building and altering virtual reality. «Colour revolution» specialists employ conflict mobilization technologies that affect younger people, injecting them with the idea of fighting against authorities, and directing their natural hyperactivity towards mass protest. The methodological basis of this research consists of the systemic, structural and functional, comparative political approaches, methods of analysis, synthesis, induction, deduction, observation. This article describes and analyzes a typical application of these technologies that allows for undetected replacement of a neutral, non-political agendas of a social group with an aggressive one, antagonistic towards authority in power. It is shown that the main targets of political strategists of colored revolutions are not a groups of political opposition-aligned individuals, but rather a politically neutral electorate, undecided on their outlook. The author demonstrates the magnitude of the threat that such technologies present, and points out the need for systemic countermeasures against the colour revolution activist recruitment in social networks.

Keywords: society, state, hybrid war, colour revolutions, democracy, USA, international conflicts, politics, values, security.

В современных цветных революциях центральное место занимают технологии конфликтной мобилизации, предназначенные для вовлечения молодежи в протестное движение. Ведь именно молодежное протестное

движение является основной ударной силой любой цветной революции. Вовлечь в протестное движение молодежь проще всего: она сама активно ищет любые возможности для социализации, приобретения или повышения своего

социального статуса и ради этого готова участвовать в рискованных акциях, в том случае, если организаторы этих акций обещают быстрый и гарантированный успех. В этом поиске молодые люди довольно быстро сами выходят на вербовщиков, готовящих активистов для цветной революции. При вступлении в контакт с вербовщиком последний начинает формировать у молодого человека устойчивую мотивацию к участию в протестных акциях, точно просчитывая реакции собеседника и играя на таких чертах характера любого молодого человека как юношеский максимализм, обострённое чувство справедливости (при отсутствии собственного опыта восстановления этой справедливости), нетерпеливость (стремление достичь всего и сразу, здесь и сейчас), потребность в признании. Последняя потребность у молодых людей, идущих в цветные революционеры, часто выражается в стремлении обрести социальный статус, выделяющий его из среды ровесников, причем немедленно ^[1]. Если этот мотив является основным, то вербовщики сразу начинают с того, что любой участник цветного революционного движения может очень быстро (за считанные дни или недели революции) стать командиром группы, затем — сотником майдана, или еще кем-нибудь, даже более значительным. И затем хвастаться этим социальным статусом перед девушками. На это многие ведутся, забывая о реальных опасностях, связанных с личным участием в антиправительственном мятеже.

Как правило, основной площадкой для поиска и вербовки молодых людей становятся социальные сети, в которых молодежь проводит значительную часть своего времени. При этом пространство социальных сетей устроено так, что оно само способствует организации пользователей в малые и большие социальные группы, сообщества, которые затем демонстрируют тенденцию к быстрому росту числа участников и их сплочением в результате выстраивания между участниками в процессе неформального общения горизонтальных связей. Помимо горизонтальных связей, устанавливающихся между общающимися между собой участниками виртуальной группы или сетевого сообщества, в любой сетевой группе, по мере роста ее численности, после преодоления определенного порога возникает и вертикальная иерархия,

вводящая правила подчинения и управления процессами внутригрупповой коммуникации: в группе появляются администраторы, модераторы, арбитры, авторитетные пользователи (сетевые эксперты), которые составляют управленческий класс или касту. В результате такая сетевая группа не просто сплачивается вокруг одной идеи (или темы), но и становится организованной, с вертикалью управления, обеспечивающей согласованное индивидуальное и групповое поведение ее участников.

Как правило, вербовщики и специалисты по сетевой коммуникации не идут в группы и сообщества, которые уже сформировались: они создают в социальных сетях новые группы, имеющие изначально как политическую, так и неполитическую повестку. Причем сегодня неполитизированные группы используются ими чаще, чем политизированные: дело в том, что в группу, изначально заявившую о своем неприятии действующей власти, пойдут только убежденные оппозиционеры, которых ни в чем дополнительно убеждать не надо — это и так готовый электорат для любой цветной революции, по сигналу он первым выйдет на улицы. Вербовщики-политтехнологи цветных революций работают с нейтральной аудиторией, с неопределившимися в своих политических предпочтениях людях, для которых политика — не главное, она лежит на далекой периферии их жизненных интересов. Таких людей в России и в других странах, как ни удивительно, большинство: открытые политические лозунги их пугают, вне зависимости от содержания. Именно поэтому политтехнологи цветных революций основную борьбу развивают не за оппозиционный и не за прогосударственно настроенный, а именно за нейтрально настроенный, политически пассивный электорат. Именно этими гражданами накачивается протестное движение перед тем, как стать агрессивной политической толпой и открыто выступить против действующей власти.

Для вовлечения молодых пользователей социальных сетей в протестное антиправительственное движение вербовщики используют целый спектр технологий конфликтной мобилизации, их инструментарий очень обширен, его действие основано на знании сетевой психологии, особенностей индивидуального

и массового (группового) поведения в социальных сетях, конструировании виртуальной реальности. В настоящей статье мы подробно остановимся всего лишь на одной технологии из этого арсенала, наиболее точно передающей приемы и особый почерк работы вербовщиков, вовлекающих молодежь в участие в массовых антиправительственных акциях, известных как цветные революции. Эта технология основана на создании в социальных сетях виртуальных сообществ, никак не связанных с политикой, обеспечение этим группам быстрого роста, сопровождающегося ускоренной социализацией и сплочением их участников (путем активизации их гражданской позиции по самым разным вопросам социального характера, побуждающих участников активно общаться между собой и тем самым сближаться), с тем, чтобы впоследствии, когда группа достигнет определенного уровня численности, незаметно для сознания ее участников заменить неполитическую повестку на политическую, а ту, в свою очередь, — на протестную, направленную против действующей власти. Делается это следующим образом.

В социальной сети (не важно, какой) создается группа любителей... ну, например, персидских котят. Эта группа начинает быстро расти, в нее вступают все новые и новые участники, большинство из которых — молодые люди «нежного» (школьного и студенческого) возраста: все любят котят, очень многие их уже имеют, а еще больше — мечтают завести, но не могут, поскольку родители не позволяют. В группе такие люди сразу обретают единомышленников, объединённых общим увлечением, общей любовью к котяткам и общими мечтами. Попав в группу, такой молодой человек (как правило, это девушка, но очень многие девушки приводят с собой своих молодых людей) начинает активно обсуждать всевозможные вопросы, связанные с котятками: как кормить, как за ними ухаживать, как воспитывать и в какие игры играть. Активное общение ведет к тому, что группа не только быстро растет, но и быстро спланивается и превращается в самое настоящее социальное сообщество, выполняющее в жизни его участников вполне определенную значимую социальную функцию. При этом повестка группы остается полностью неполитизированной: она целиком посвящена котяткам. Признаков того,

что группу для своих целей создали вербовщики из сетевой организации, формирующей протестный электорат для цветной революции — нет ни единого.

Так продолжается до тех пор, пока группа не станет настолько большой, что станет по-настоящему интересной политтехнологами цветной революции. С этого момента повестка группы начинает стремительно меняться, постепенно и незаметно от сознания переключая внимание участников группы на политические проблемы. Технологически это делается путем контролируемых вбросов специально подготовленной информации.

Однажды в контур общения социальной группы попадает следующая новость: у одной из участниц группы, совсем юной и беззащитной девушки, выгуливавшей своего любимца — маленького пушистого котенка, этого самого котенка переехала машина представительского класса, выехавшая на тротуар. При этом, задавив котенка и едва не сбив саму девушку, машина скрылась. Водитель — кем бы он ни был — не остановился и ничего не сделал, чтобы помочь жертве трагедии.

Эта новость становится полной неожиданностью для большинства участников группы и поэтому шокирует всех. При этом психика большинства участников группы оказывается настолько взбудораженной, что практически сразу же переходит в особое психологическое состояние, которое психиатры называют «пограничным»: это состояние крайнего эмоционального возбуждения, неустойчивое, готовое в любой момент вылиться в истерику или в другие аналогичные формы девиантного поведения, когда человек настолько возбужден, что не в состоянии контролировать свои эмоции. Поводом для перехода в пограничное состояние становится интенсивное сопереживание эмоций и чувств, которые испытывает несчастная девушка: во-первых, саму девушку жалко — она совсем юная и беззащитная, все знают, как в таком возрасте любят своих питомцев, которые как член семьи, и как тяжело переживают утрату; во-вторых, жалко котенка, жизнь которого так внезапно и трагически оборвалась в тот самый момент, когда он только сделал свои первые шаги, только начал жить, и жизни, по сути, совсем еще не видел. Переживающие участник группы быстро консолидируются вну-

три группы в еще одно, более тесное, сообщество, сплоченное общим сильным переживанием, и начинают быстро накручивать друг друга до грани, за которой должна следовать разрядка в виде истерики. Но она то (групповая истерика) как раз и не наступает: дело в том, что остается неясным, кто именно является виновником трагедии — неизвестно, кому принадлежит та сама машина представительского класса (саму же машину ненавидеть нельзя — это всего лишь кусок железа на колесах, управляемый чьей-то рукой). Напряжение есть, оно зашкаливает, но нет канала стока для эмоциональной разрядки. В результате группа, коллективно и согласованно перешедшая в пограничное состояние, замораживается в нем до нового вброса информации, уточняющего, кто же сидел за рулем автомобиля, раздавившего бедного котенка. Есть только всеобщее резко негативное отношение к неизвестным автомобилям представительского класса, которые давят котят.

И этот вброс не заставляет себя ждать: в группу приходит информация о том, что машина, задавившая котенка, принадлежала российскому чиновнику — это был служебный автомобиль. И мгновенно вся ненависть, накопленная участниками группы за время пребывания в пограничном состоянии, весь негатив тут же переносится на чиновников как класс. Все начинают обсуждать чиновников, беззаконие, которое они творят, их безнаказанность, и т.д. При этом никто не замечает, что повестка группы уже поменялась: она стала политической с того самого момента, когда главной обсуждаемой новостью стала личность неустановленного чиновника, неразрывно связанного с российской властью. В этот момент в группе появляются первые критические выпады против власти вообще и российской, в частности — они возникают спонтанно, согласно заданному вторым вбросом направлению дискуссии. И, конечно, они еще не носят на этом этапе антиправительственной, антирежимной направленности: отдельно взятый неустановленный чиновник — это еще не власть, чиновников в России великое множество, все они разных рангов, типов и калибров; вместе они сливаются в общую аморфную массу, которую в принципе нельзя ненавидеть (как нельзя ненавидеть косяк ставрида). Но политическая акра-

ска в мотивах участников группы уже появилась, и никто этого перехода не заметил.

Идем дальше: через некоторое время в группе появляется новый вброс, конкретизирующий личность виновника трагедии — того самого чиновника, который сидел за рулем автомобиля, задавившего беззащитного котенка. Утверждается, что это была служебная машина с номерами администрации президента (не важно, какого), следовательно, за рулем ее сидел чиновник из администрации, или его водитель.

Эмоциональное напряжение группы, балансирующее на грани срыва в массовую истерию, наконец, находит канал для стока — объектом всеобщей ненависти становится правительственный чиновник — сотрудник администрации президента. В результате такого поворота событий повестка группы сразу становится не только политической, но и приобретает скрытую антиправительственную направленность: статусный чиновник из администрации президента у большинства граждан на подсознательном уровне четко ассоциируется с действующей властью, ее институтами, лидерами, политическим режимом. Заряд негатива, который группа направляет на образ статусного работника президентской администрации, проходит сквозь образ чиновника как сквозь стекло и намертво прикрепляется к самому образу власти, так как для образа власти многочисленный корпус высокопоставленных чиновников — всего лишь один из атрибутов, маркеров, характерных признаков. В коллективном подсознании членов группы происходит коррекция образа виновника трагедии, образ чиновника замещается образом власти, причем все это происходит неосознанно, сознание не распознает процесс подмены и не посылает сигнал тревоги. В результате следующий вброс информации закрепляет эту подмену, которая и так уже состоялась: в группу поступает модифицированная установка, звучащая как «власть раздавила беззащитное существо, только начинающее жить».

У большинства участников группы возникает состояние испуга и одновременно — чувство беззащитности перед образом власти, давящем их питомцев. Это формирует в их подсознании установку на действие, готовность искать защиту от той мифической угрозы, которая подме-

нила в их сознании и подсознании реальность. Одновременно в группе нарастает волна протеста против произвола все той же власти, представители которой — чиновники, на дорогах машинах, начинают восприниматься как абсолютное зло. Возникает чувство вовлеченности в протестное движение, направленное «за все хорошее, против всего плохого». Здесь появляется уже основной мотив, побуждающий обычных людей в случае начала цветной революции идти на майдан. В группе начинается процесс вторичной консолидации, однако на этот раз основным мотивом, побуждающим участников группы к сплочению, является неясно осознаваемое чувство личной угрозы и стремление выступить против источника предполагаемой опасности, то есть — причастность к коллективному (массовому) протестному движению. Группа начинает сплываться не ради достижения какой-либо цели, а против общего врага, в образе которого выступает власть.

Для того, чтобы закрепить этот эффект и, одновременно, дать группе установку на конкретное действие (то есть направить протестную активность в определенное русло), политтехнологи цветных революций делают заключительный, финальный вброс следующего содержания: «Преступная власть раздавила котенка. Сегодня она проехала по котенку,

завтра — по вам!». И вся группа мгновенно переходит в состояние повышенной агрессивности, готовности немедленно выступить против действующей власти, выйти на майдан. Организаторам цветной революции достаточно дать им сигнал.

Приведенный выше пример технологии конфликтной мобилизации в социальных сетях — всего лишь один пример подобного рода технологий, используемых вербовщиками и политтехнологами цветных революций для вовлечения граждан в протестное движение. Эти технологии основаны на отличном знании особенностей психики человека, способов манипулирования массовым и индивидуальным сознанием, инструментов воздействия на подсознание и управления им, в которых пространство социальных сетей играет роль особой организующей среды, в которой инстинкт самосохранения человека довольно часто перестает работать, поскольку эта виртуальная среда ему не знакома. Вместе с тем, знание того, как эти технологии действуют, кем и в каких условиях применяются, позволяет просчитывать действия их операторов и разрушать технологическую цепочку. В эффективном противодействии сетевым технологиям конфликтной мобилизации кроется главное условие эффективного противодействия современным цветным революциям.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Codagnone S., Filippov V. Equity, exit end national identity in a multinational federation: the «multi-cultural constitutional patriotism» project in Russia // *Journal of ethnic and migration studies*. 2000. V. 26. №
2. Р. 263–288. 2. Будаев А. В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы. // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2015. № 48. С. 189–205
3. Зольнова М. Г. Общественная дипломатия Швеции // *Тренды и управление*. — 2014. — 2. — С. 137–146. DOI: 10.7256/2307–9118.2014.2.12407.
4. Карпович О. Г. «Революция зонтиков» в Гонконге: признаки цветной революции // *Политика и Общество*. — 2015. — 4. — С. 543–548. DOI: 10.7256/1812–8696.2015.4.13571.
5. Грудцына Л. Ю., Петров С. М. Власть и гражданское общество в России: взаимодействие и противостояние // *Административное и муниципальное право*. — 2012. — 1. — С. 19–29.
6. Филимонов Г. Ю., Юраков М. Украинский кризис в зеркале американской внешнеполитической стратегии // *Политика и Общество*. — 2015. — 2. — С. 221–229. DOI: 10.7256/1812–8696.2015.2.13914.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Codagnone S., Filippov V. Equity, exit end national identity in a multinational federation: the ‘multi-cultural constitutional patriotism’ project in Russia // *Journal of ethnic and migration studies*. 2000. V. 26. №

2. P. 263–288. 2. Budaev A. V. 'Myagkaya sila' vo vneshnei politike Rossii: istoki, osobennosti, perspektivy. // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. 2015. № 48. S. 189–205
3. Zol'nova M. G. Obshchestvennaya diplomatiya Shvetsii // Trendy i upravlenie. — 2014. — 2. — С. 137–146. DOI: 10.7256/2307–9118.2014.2.12407.
4. Karpovich O. G. 'Revolyutsiya zontikov' v Gonkonge: priznaki tsvetnoi revolyutsii // Politika i Obshchestvo. — 2015. — 4. — С. 543–548. DOI: 10.7256/1812–8696.2015.4.13571.
5. Grudtsyna L. Yu., Petrov S. M. Vlast' i grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: vzaimodeistvie i protivostoyanie // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. — 2012. — 1. — С. 19–29.
6. Filimonov G. Yu., Yurakov M. Ukrainskii krizis v zerkale amerikanskoi vneshnepoliticheskoi strategii // Politika i Obshchestvo. — 2015. — 2. — С. 221–229. DOI: 10.7256/1812–8696.2015.2.13914.